ЧУДАЧЕСТВО.

Если мы встрѣчаемъ между людьми высшаго и средняго общества чудаковъ, то конечно приписываемъ это прихотямъ, причудамъ, которыя, какъ извѣстно, являются тамъ только, гдѣ есть изъ чего причудничать, то есть, при жизни болѣе или менѣе роскошной и изобильной. Но къ удивленію нашему и отчасти къ опроверженію этого мнѣнія, мы находимъ и въ самомъ низшемъ слоѣ общества чрезвычайно много чудаковъ, и потому едвали не должны признать чудачество врожденнымъ свойствомъ человѣка, выраженіемъ свободной воли его и независимости, дошедшимъ до нѣкоторой крайности. Видно душа не всегда мѣру знаетъ.

Я зналъ одного простаго, невзрачнаго, безграмотнаго крестьянина, и именно въ Оренбургской Губерніи, который по истинѣ

ни въ чемъ неуступалъ знаменитому до нашихъ временъ на весь міръ Діогену, который чествуется всѣми нами подъ именемъ мудреца. Крестьянинъ этотъ тѣмъ еще безспорно бралъ верхъ надъ мудрецомъ Греческимъ, что жилъ не тунеядцемъ, не лежалъ на боку, а работалъ; во вторыхъ онъ всѣхъ людей оставлялъ въ покоѣ, не бранился съ ними, не осмѣивалъ ихъ за то, что они живутъ не по его обычаю, но самъ строго держался правилъ своихъ, принятыхъ имъ какъ говорили, еще съ молода, и до которыхъ онъ дошелъ безспорно своимъ умомъ или самодурью.

Онъ непозволялъ себѣ никогда и никакой роскоши, забавы, излишества, лакомства, или удовольствія, по этому онъ носилъ только самое необходимое платье и шапки или шляпы у него небыло въ заводѣ, за это его и звали Афоней безшапочнымъ, и прозваніе безшапочныхъ перешло на его дѣтей. Не будучи вовсе ни ханжой, ни изувѣромъ, онъ былъ однакоже сухоядецъ, то есть, никогда не ѣлъ горячаго, и питался однимъ только хлѣбомъ и водой; ни чѣмъ

нельзя было заставить его отвѣдать водки, пряника, чаю, лакомства, или даже какого бы то нибыло приготовленнаго кушанья; онъ благодарилъ, кланялся и приговаривалъ только: не надо. Но онъ жилъ въ одной избѣ съ женатымъ сыномъ, и давалъ ему полную волю жить по людски; даже, какъ сынъ и сноха увѣряли, ни разу не уговаривалъ ихъ слѣдовать его примѣру, не только за это не бранился.

У насъ есть люди глупые и до безсмысленности суевѣрные, налагающіе проклятіе на табакъ, картофель, на мясо дичи, зайца и проч., но и этого за Афоней не было, если допытывались у него причины странностей его, то онъ, пожимая плечами, отвѣчалъ, что бѣды и грѣха отъ этого никому нѣтъ; а не хочетъ онъ того или другаго потому, что этого ему не надо. Его любили въ домѣ и на деревнѣ, какъ смирнаго и работящаго мужика, и говорили смѣючись про сына Афони: хорошо ему жить, по неволѣ богатъ будетъ — вишь у него работникъ какой въ домѣ живетъ,

пить–ѣсть не проситъ, а дѣло у него спорится.

Желательно было бы знать въ подобномъ случаѣ, что именно можетъ заставить бѣднаго человѣка, который и безъ того уже поставленъ въ ограниченное положеніе, стѣснить и ограничить себя произвольно еще болѣе? Иногда это бываетъ, какъ я уже сказалъ, суевѣріе; иногда также изувѣрство; можетъ быть и природное чудачество, но безспорно въ иныхъ случаяхъ это есть убѣжденіе разума и сила воли.

Вотъ другой примѣръ; относящійся впрочемъ, кажется, не до разумнаго убѣжденія, а до суевѣрія и чудачества.

Въ Костромской Губерніи жилъ еще очень не давно старикъ лѣтъ подъ 90, который съ незапамятныхъ для нынѣшняго поколѣнія временъ, ходилъ по міру, но не приставалъ конюкой къ прохожимъ, не садился на большихъ дорогахъ, не толкался на погостахъ, даже рѣдко ходилъ подъ окнами, а обхаживалъ въ теченіе года большое пространство, то есть, много селъ

и деревень, завертывая не болѣе какъ по два раза въ годъ къ одному и тому же крестьянину, и не выпрашивая денегъ довольствовался тѣмъ, если его накормятъ. Но онъ вовсе не бѣгалъ отъ горячаго, а напротивъ искалъ только того, чтобы гдѣ похлѣбать щецъ. За эту нестяжательность его любили и нигдѣ не отказывали ему въ кускѣ хлѣба, о которомъ онъ впрочемъ просилъ тогда только, когда бывалъ голоденъ. У него были двѣ поговорки, безъ которыхъ онъ не начиналъ, и не оканчивалъ рѣчи: *вотъ–те* на грошъ, — и Варвара безсережная. Онъ между прочимъ гнушался картофелемъ въ такой степени, что считалъ ту посуду поганою, въ которой картофель варился, и убѣждалъ всѣхъ не ѣсть этой, противной Богу пищи. О табакѣ онъ не могъ и слышать равнодушно, хотя и непринадлежалъ къ раскольничьему толку. Онъ былъ богомоленъ, очень тихъ и кротокъ, любилъ дѣтей и часто съ ними забавлялся, говоря объ нихъ: вонъ, онъ Бога и незнаетъ, а Богъ его любитъ. Но если бывало кто заспоритъ съ нимъ о

табакѣ или картофелѣ, то можно было крѣпко разсердить дѣдушку Василія, и онъ выходилъ изъ себя. На немъ всегда была пребольшая сума, порядочно чѣмъ то набитая; многіе дивились этому зная именно нестяжательность его, и спрашивали, для чего онъ проситъ хлѣба, говоря, что голоденъ, когда у него сума набита хлѣбомъ? — Тогда онъ отвѣчалъ: «Варвара безсережная, это хлѣбъ не про этотъ свѣтъ, а про тотъ.» До сумы этой никому не давалъ дотронуться, берегъ ее пуще глазу, и никто незналъ, что въ ней есть; иные даже полагали, что онъ таскаетъ деньги съ собой, другіе, что это священныя книги, но всѣ знали, что старикъ былъ безграмотенъ.

Разъ какъ то его хорошо накормили у давно знакомаго крестьянина, и стали упрашивать, когда онъ былъ въ духѣ, игралъ съ дѣтьми и разговорился: Дѣдушка Василій, скажи пожалуста, за что это Богъ проклялъ табакъ да картофель, говорятъ, ты все это знаешь?

«А вотъ за что, сказалъ старикъ, прибавивъ къ этому: *вотъ—те* на грошъ, —

слушай: надо знать, отъ чего это поганое зелье уродилось, такъ тогда и самъ поймешь, безъ меня. Вишь–ли, у Царя Ирода была дочь, нечестивая дочь нечестиваго отца, — любила она не человѣка, а пса. Узнавши объ этомъ, Царь Иродъ приказалъ ихъ обоихъ заколоть живыхъ; вотъ — отъ кобеля зародился да пошелъ расти картофель, а отъ дочери Ирода нечестиваго происшелъ табакъ, нечестивое зелье. Такъ вотъ теперь и смѣкай самъ, Варвара безсережная погана ли трава эта, что табакъ, что чортово яблоко, аль нѣтъ.» — А почему же ты, дѣдушка Василій, знаешь все это? — «Поживитко съ мое, *вотъ–те* на грошь, такъ и самъ узнаешь.» [*]).

По смерти дѣдушки Василія стали съ любопытствомъ осматривать суму его: первый, кто ее въ руку взялъ, удивился; такъ тяжела, что человѣку только подъ силу поднять. Заглянули въ нее — какіе–то

([*]) Ко мнѣ приходилъ однажды старикъ раскольникъ — просить книги Пандока. На что тебѣ Пандокъ, спросилъ я. „Тамъ, сказали мнѣ, отвѣчалъ онъ есть такая то исторія (разсказанная о картофелѣ), да въ Баронiѣ. Баронія три книги я прочелъ, а объ картофелѣ ничего не нашелъ.“ Ну и въ Пандокѣ, прервалъ я, ты ничего не найдешь и успокоилъ его.

свертки въ отрепьяхъ, развернули — каменья, больше ничего. Старикъ таскалъ на себѣ нѣсколько лѣтъ каменные вериги.

Есть еще въ деревняхъ особый родъ дурачковъ, которые бываютъ толковы по всѣмъ статьямъ кромѣ одной: не смѣй при нихъ выговорить какое нибудь слово, котораго онъ не терпитъ, а скажешь, такъ онъ либо бранится всякими нечестивыми ругательствами, либо бьетъ зря, чѣмъ нипопало, и притомъ не разбирая лица, кто бы ни былъ. Я зналъ одного такого, при которомъ нельзя было выговорить слово *топоръ*, и если кому, забывшись, или даже по незнанію, случалось сдѣлать это, то Макаръ пускалъ ему въ голову что держалъ въ рукахъ — полѣно, чашку, ножъ, все равно. Доходило до того, что его ужъ не разъ за это наказывали, когда онъ слишкомъ забывался, и выходила драка, или когда онъ больно ушибалъ кого по напрасну; — но ему неймется и по нынѣ, онъ отъ этого норова не отстаетъ. Люди привыкли къ нему, то тѣшатся этимъ, то спускаютъ, и поблажаютъ говоря: ужъ онъ

у насъ все такой; — и ему часто съ рукъ сходитъ то, за чтобы всякому другому пришлось бы плохо.

Я зналъ другаго, при которомъ нельзя было помянуть крысы, если не пожелать выкупаться: какъ только кто нибудь выговоритъ слово это, то онъ тотчасъ же набираетъ въ ротъ воды, или беретъ ковшъ, ведро съ водой, и обдаетъ съ ногъ до головы своего врага, хотя бы это было зимой и посреди улицы. Если тотъ уходилъ, то онъ незабывалъ мести своей, а отплачивалъ ему поливкой позже, даже на другой или третій день.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, я думаю, нѣтъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что это просто блажъ, дурь или шаль, закоренѣлая отъ первоначальной повадки. Людямъ нравится дѣлать безнаказанно то, чего никто другой дѣлать не смѣетъ.